

— Не нужно. В этот раз тебе нет нужды сопровождать меня.

Матушка Ма, обычно отличавшаяся ленью, вопреки всяким ожиданиям, сама вызвалась в путь. Хэ Янься, хотя и удивилась, расспрашивать не стала и лишь сухо отказала.

— Неужели госпожа намерена отправиться в Яньчжоу в одиночку?

Матушка Ма знала, что Хэ Янься предпочитает уединение, и если не берет её с собой, значит, есть причины, которые она не желает открывать другим. Однако она никак не ожидала, что в этот раз планы госпожи совсем иные.

— В этот раз я хочу взять с собой её.

Хэ Янься опустила голову, и в её глазах затуманилась дымка. Матушка Ма была поражена, но тут же расплылась в улыбке.

— Что ж, хорошо, хорошо... Спутница тебе не помешает.

Матушка Ма продолжала бормотать что-то бессвязное, её улыбка становилась всё шире, а взгляд, устремлённый на Хэ Янься, — всё более многозначительным. Хэ Янься же от начала до конца вела себя так, будто ничего не замечает, и вовсе не возражала.

Когда Хэ Янься сказала Му Цзышань, что та едет с ней в Яньчжоу, Му Цзышань не выказала удивления. Лишь сухо ответила, что поняла, кое-как собрала вещи и последовала за Хэ Янься. Та заявила, что хочет ехать налегке, не привлекая лишнего внимания, поэтому взяла лишь несколько слуг. Впрочем, привыкшая к роскоши Хэ Янься всё равно прихватила с собой груды золота и драгоценностей, а внутреннее убранство кареты было обустроено так комфортно, что походило на маленькую уютную комнату.

Всю дорогу они ехали в одной карете, а слуги следовали позади. Му Цзышань, находясь рядом с Хэ Янься, почти не произносила ни слова. Если та пыталась заговорить, Му Цзышань отвечала с неохотой. Видя это, Хэ Янься не настаивала: если та не желала говорить, позволяла ей молчать, сама же погружалась в чтение или еду, словно Му Цзышань вовсе не существовало. Му Цзышань, задыхаясь от невыносимого соседства, однажды спросила, нельзя ли ей пересесть к слугам, чтобы Хэ Янься могла наслаждаться простором в одиночку. Хэ Янься даже не задумалась: — Нельзя, — отрезала она и, не объясняя причин, снова уткнулась в книгу.

Му Цзышань ненавидела Хэ Янься до мозга костей. Если бы не рычаг давления, который та держала в руках, она бы давно прикончила её. А теперь приходилось мирно сидеть в одной карете, что было для неё пыткой. Она терпела какое-то время, но, не выдержав, спросила снова. Хэ Янься ответила тем же коротким: — Нельзя, — оборвав любые попытки продолжить разговор.

Так повторялось раз за разом. Му Цзышань не понимала, что творится в голове у этой женщины. Сама она не проронила ни слова, не одарила даже взглядом, но Хэ Янься упорно оставляла её при себе, каждый раз отвечая лишь одним отказом.

К вечеру, когда сумерки сгущались, Хэ Янься приказывала слугам остановиться на ночлег в ближайшем городке. Своё обещание она держала: больше не позволяла себе вольностей, даже поведение её стало менее вызывающим. В гостиницах она всегда снимала для Му Цзышань отдельную комнату по соседству, словно была абсолютно уверена в своей власти над ней и не боялась побега, даже стражу не приставляла, предоставляя ей полную свободу.

На второй день Му Цзышань встала раньше всех, собралась и села в карету к слугам, лишь бы не видеть Хэ Янься. Но когда та закончила утренние сборы, она просто откинула занавеску и приказала Му Цзышань выйти. Та отказалась, сухо заметив, что хочет уступить госпоже больше места для комфорта. В ответ Хэ Янься лишь бросила: — Хочешь, чтобы я вынесла тебя на руках? — и Му Цзышань, нехотя, подчинилась.

На третий день Му Цзышань снова попыталась возразить, мол, ей нечего делать в карете, и она лишь мозолит госпоже глаза. Хэ Янься лишь усмехнулась, выудила из вещей книгу и бросила ей на колени. Му Цзышань не поняла намёка, пока Хэ Янься, хитро прищурившись, не произнесла: — Раз нечего делать, читай мне вслух. Я долго читала, глаза устали.

Му Цзышань взглянула на обложку и вспыхнула: это был не классический трактат и не сборник поэзии, а гнусная порнографическая книжонка.

Хэ Янься, видя её замешательство, поторопила: — Чего же ты ждёшь?

Му Цзышань сжала книгу так, что побелели костяшки пальцев. Ярость жгла изнутри, хотелось разорвать эту пакость, но взгляд упал на Хэ Янься, которая вертела в руках белую нефритовую шкатулку — хрупкую, словно её можно было раздавить одним нажатием. Взгляд Хэ Янься был полон издевки, словно она говорила: ты сама напросилась. Пальцы Му Цзышань дрожали. Эта шкатулка была для неё дороже жизни, и, скрепя сердце, она начала читать.

— Страсть не утихла... как пережить одинокую ночь... — каждое слово давилось, словно удар молота. Хэ Янься, наблюдая за её пылающим лицом, наслаждалась этим зрелищем, как самой прекрасной картиной. Му Цзышань читала весь день, и когда доходила до самых непристойных мест, пытаясь замолчать, Хэ Янься тут же касалась шкатулки, принуждая продолжать. Вечером она была в таком приподнятом настроении, что выпила лишнего, смеясь и попивая вино, пока Му Цзышань, сидя рядом, едва не ломала зубы от злости.

На четвёртый день Му Цзышань перестала проситься в другую карету. Хэ Янься тоже больше не заставляла её читать, позволяя молчать, и сама погружалась в свои книги. Му Цзышань не понимала, чего добивается эта женщина, но опасалась, что любая попытка отделиться вызовет лишь новые причуды. Поэтому она просто закрыла глаза, стараясь не замечать присутствия другой женщины.

19. Совместный путь (часть вторая)

Проехав несколько дней, отряд покинул пределы Лучжоу и достиг Фэнчжоу, что на северо-востоке. Это был богатый и густонаселенный край. Ещё за пределами города виднелись бескрайние поля, а внутри — шумные улицы, где кипела жизнь. Даже Му Цзышань, не любившая суеты, невольно залюбовалась. Такое процветание не уступало даже столице — Учжоу.

Заметив, что Му Цзышань наконец отвлеклась, Хэ Янься почувствовала странное торжество. Она приказала ей выйти из кареты и прогуляться по рынку. Тон был скорее приказом, чем просьбой. Понимая, что спорить бесполезно, Му Цзышань молча вышла.

Чтобы не привлекать внимания, Хэ Янься сменила привычный алый наряд на мужское платье из лунно-белого шёлка с тёмно-зелёным нефритовым поясом. С веером из слоновой кости, с лицом, подобным нефриту, и алыми губами, она выглядела как утончённый молодой господин из знатной семьи. Му Цзышань же она подобрала платье зелёного оттенка с красной нефритовой заколкой — скромно и элегантно.

Они смотрелись как идеальная пара. Прохожие одаривали их завистливыми взглядами. Му Цзышань это было крайне неприятно, но Хэ Янься наслаждалась вниманием, специально ведя себя так, будто они — влюблённые. Лавочники наперебой расхваливали их, называя парой, и Хэ Янься, довольная, скупала всё подряд. Лишь один торговец, назвавший их братом и сестрой, получил такой ледяной взгляд, что тут же замолчал.

Когда они вышли с рынка, Му Цзышань в ярости спросила, зачем она вводит людей в заблуждение. Хэ Янься лишь улыбалась, играя со шкатулкой.

— Му Цзышань низкого происхождения, я недостойна госпожи Хэ... — проговорила она с показным почтением, скрывавшим глубокое отвращение.

— Неважно. Раз я хочу, значит, ты достойна.

Хэ Янься улыбнулась так нежно, что Му Цзышань на мгновение замерла. Кто бы мог подумать, что эта жестокая убийца способна на такую мягкость?

— Или ты считаешь, что я недостойна тебя? — Хэ Янься приблизилась, её тёплое дыхание коснулось кожи Му Цзышань. Та покраснела — то ли от гнева, то ли от стыда. Хэ Янься нашла это невероятно милым, но, помня о данном обещании, сдержалась.

Му Цзышань промолчала, но её взгляд говорил яснее слов. В её глазах Хэ Янься была хуже зверя. Но она не могла сопротивляться: на кону была жизнь Цзинь Юэ.

— Госпожа, разумеется, достойна, но я не заслуживаю такой чести, — холодно ответила Му

Цзышань. Хэ Янься лишь фыркнула и отвернулась.

После этого случая настроение Хэ Янься испортилось. Она весь остаток дня была мрачнее тучи. Если кто-то снова принимал их за пару, она не радовалась, а лишь злилась. В конце концов, один неудачливый торговец, чересчур разошедшийся в похвалах, лишился своего прилавка — Хэ Янься разнесла его одним ударом.

К вечеру, когда они возвращались в гостиницу, Хэ Янься внезапно остановилась и гневно уставилась на Му Цзышань. Та замерла, как каменное изваяние, не выказывая ни единой эмоции.

— Ну и что, если они считают нас супругами? — наконец выпалила Хэ Янься, как капризный ребёнок, не желающий уступать в пустяке. — От того, что они это скажут, ты не умрёшь и не обеднеешь. Почему ты вечно идёшь мне наперекор? Мы обе женщины, мы никогда не станем супругами, так почему бы просто не позволить им болтать?

Её гнев выглядел настолько по-детски нелепо, что даже Му Цзышань на мгновение опешила. Это была совсем не та расчётливая глава секты, которую она знала.

— Разумеется, ничего не случится, — спустя долгое время тихо ответила Му Цзышань, опуская взгляд. — Ничего не случится. Просто я этого не хочу.

Она снова замолчала, а ответом Хэ Янься стал удар, пробивший стену рядом с ней.

20. Совместный путь (часть третья)

Вернувшись, Хэ Янься была так мрачна, что слуги боялись поднять глаза. Она поужинала в одиночестве и ушла к себе.

В Фэнчжоу она, как обычно, сняла для Му Цзышань соседнюю комнату. Несмотря на редкие словесные провокации, она держала дистанцию, верная своему обещанию не касаться её против воли.

Хэ Янься легла спать, но из-за дневной ссоры долго ворочалась. Ночь была тихой, с тонким ароматом цветов. Постепенно её охватило странное чувство покоя, словно из глубины памяти всплыл далёкий образ: нежная рука, ведущая её по дорожке, запах жасмина, вкус пирожных с османтусом, которые кто-то заботливо оставлял для неё...

В полудрёме ей показалось, что кто-то подошёл к кровати. Лёгкие шаги, нежное прикосновение к волосам, знакомый аромат... Сердце сжалось от боли и тоски. Она хотела схватить эту руку, но тело было словно налито свинцом.

Она не могла пошевелиться. Не могла удержать того, кто был рядом.

<http://bllate.org/book/21760/2250250>